

$$\oint \sqrt{2m(E-U)} dx = n2\pi\hbar. \quad (14)$$

В случае ЛГО с потенциальной энергией (5)

$$\oint \sqrt{2m(E - m^2 \omega^2 x^2)} dx = 2\pi \frac{E}{\omega} \quad (15)$$

(см. напр., с.104 из [5]). Из (14) и (15) следует правило квантования (7), совпадающее с постулатом Планка. Таким образом, ОУШ (13) приводит к теоретическому обоснованию постулата Планка, с которого в 1900 г. началась история квантовой механики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Квантовая механика. – М.: Наука, 1989. - 767 с.
2. Бриллюэн Л. Квантовая статистика. – Киев, ГНТИУ, 1934.- 500 с.

3. Фейнман Р. Статистическая механика.- М.: Мир, 1978. – 407 с.

4. Свирский М.С., Свирская Л.М. Материалы VIII международной научно-практической конференции «Вузовское преподавание: проблемы и перспективы». - Челябинск, 2007. - с. 141.

5. Соколов А.А., Тернов И.М., Жуковский В.Ч. Квантовая механика. - М. Наука, 1973.

Философия

«УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ

Гнатюк В.С.

Сегодняшнее мироощущение характеризуется, с одной стороны, парадоксальным сочетанием крайнего оптимизма, мотивированного развитием науки, технологий, но с другой стороны, столь же крайнего пессимизма, вызванного как раз разочарованием в этой самой современности, чувством некоей пустоты, всеобщей неустойчивости. В этом контексте проблема устойчивого развития обретает новые смысловые грани, выходящие за рамки ставших уже традиционными сюжетов экологического кризиса, информационных и демографических колебаний, масштабных социальных потрясений, интенсивной трансформации общественных институтов, всей социокультурной сферы.

«Устойчивость социального развития» - социально-теоретическая тема, активно обсуждавшаяся экономической и философской общественностью в 70-е-90-е годы XX века. К настоящему моменту она стала привычной, термин «устойчивое развитие» приобрел облик публицистического штампа, за которым порой теряется острое и по-прежнему актуальное историко-культурное содержание. Интеллектуальную почву становления теоретической проблематики устойчивого развития составила социально-философская мысль XX столетия, внимание которой было приковано главным

образом к процессам формирования глобального цивилизационного пространства, противоречиям постиндустриального общества, вооруженного информационными технологиями, распространению массовой культуры, «захвату» социальности деонтологизированными дискурсивными практиками, а также к возможным трансформациям человечества в будущем.

Философские грани этой проблемы традиционно исчерпывались указанием на необходимость укрепления нравственной ответственности человека перед обществом и природой и формированием «планетарного» мышления. Устойчивое развитие связывается с научным потенциалом современной цивилизации, на который возлагаются большие надежды в плане выработки конкретных оптимологических моделей дальнейшей эволюции, способных обуздать риски будущего. Сам феномен социальной устойчивости прочитывается сегодня в первую очередь как сугубо практический, требующий для своей реализации чисто инструментальных и волевых усилий со стороны политических, экономических и научных кругов.

Первые попытки формулировки теоретической модели социально-экономического развития с учетом экологических факторов исторической динамики, представления самого общества как единого организма, обладающего сложной структурой, хозяйственным комплексом, демографическими, этническими и др. параметрами, относятся к 60-70 гг. XX века (4,

с.46-59). Следует также отметить деятельность Римского клуба, направленную на изучение проблем развития человеческого сообщества как единого глобального целого в условиях стремительного научно-технического прогресса (7; 8; 9). Главный вопрос который сформулировали участники Клуба: должен ли человек принимать развитие цивилизации как данность, или мир, в котором мы живем, нуждается в регуляции со стороны человечества? Однако вопросы, содержащиеся в «Докладах» Клубу пока остаются без ответа. Поиск механизмов, которые позволили бы обеспечить выживание и безопасное развитие человечества, продолжается (9, с.97).

В последующие годы идея о необходимости перехода человечества к устойчивому развитию продолжала детализироваться, а именно: программа устойчивого развития стала рассматриваться как единственная стратегия цивилизационной динамики, которая может спасти человечество от гибели. Такое понимание, с одной стороны, несет на себе печать модернистских интенций в науке и социальной практике, и, во-вторых, путает теоретические грани проблемы и ее практическое содержание. Возникает ощущение, будто вся история человечества до XX века была каким-то неустойчивым развитием и движением к некой границе возможностей человечества. Очевидно, что здесь не все так просто.

Согласно «Отчету по устойчивому развитию» ПРООН, «Устойчивое человеческое развитие – это развитие для людей и их благосостояния, для природы. Его наивысшим приоритетом является снижение нищеты, эффективная занятость, социальная интеграция и восстановление окружающей среды. Устойчивое человеческое развитие опирается на справедливость в пределах как одного, так и нескольких поколений, позволяя всем поколениям, настоящим и будущим, наилучшим образом использовать свои потенциальные способности во всех областях жизни: экономической, социальной, культурной и политической.

Универсальность жизненных потребностей является связующей нитью, объединяющей нынешние и пока еще неведомые, будущие задачи, в частности: сохранение и восстановление окружающей среды. Наиболее весомым аргументом в пользу защиты окружающей среды является этическая необходимость гарантировать поколениям будущего такие же возможности, которые были в распоряжении их предшественников. Этой гарантией является Устойчивое развитие.

...Эта универсальность жизненных потребностей – мощная идея, дающая философ-

ское обоснование многим направлениям современной политики» (10, с.39-40).

Другие определения (1, с.9-23; 2, с.27; 3, с.79) подчеркивают динамичность понятия «устойчивое развитие», целесообразность его перманентной корректировки и развития в соответствии с мировой динамикой, а также необходимость повсеместной пропаганды основных принципов, вкладываемых в основание самой концепции. Большой акцент делается именно на экологической проблематике, причем именно с последней увязывается и возможность духовного совершенствования человека.

Такое понимание сущности устойчивого развития, конечно, вполне адекватно для современного мира, в котором проблемы экономической (продовольственной, энергетической) безопасности, военной угрозы, экологической катастрофы и т. д. занимают первое место в рейтинге глобальных проблем. Однако следует заметить, что сфера практического обсуждения данной проблемы на уровне организаций, правительств пока больше содержит в себе пожеланий и намерений, нежели конкретных результатов.

Интересным представляется трактовка темы устойчивого развития в контексте перехода к новому типу цивилизации, которым и знаменуется собой новейшее время. Так, Н. Олдак выделяет три аспекта, обусловившие переломный характер мирового развития в современную эпоху: научно-технический прогресс, социальный прогресс, смена типа организации социального пространства в плане его совместимости с естественным природным бытием (6, с.28). Сейчас завершается длившийся практически всю историю (начиная с неолитической революции) цивилизационный цикл, базировавшийся на принципах покорения природы. Решение совокупности глобальных задач, стоящих перед обществом возможно на пути перехода к устойчивому развитию, которое и составляет основу нового цивилизационного цикла – равновесного как в отношении с природой, так и в внутри самой социальной реальности, гармонизирующей свои структурные и функциональные элементы. Такая равновесность, по мнению Олдака, будет приводить воздействие общества на природные системы в соответствие с их способностью нести антропогенную нагрузку и восстанавливаться естественным путем (6, с.44-51).

По мнению Н.Н. Моисеева основная причина социальноэкологического кризиса заключается в том, что какой-то отдельный вид становится в своей нише обитания монополистом. Монополия одного вида и приводит к

нарушению равновесия и утрате устойчивости в развитии и среды обитания и самого данного вида, т. е. общества. Выход из данного кризиса может заключаться либо в полной гибели данного вида, либо в расширении самого ареала существования и соответственно образа жизни. Задача современного человечества состоит именно в том, чтобы качественно изменить свое взаимоотношение с природой, встать на путь разумной стратегии равновесного природопользования, коэволюции человека и природы (5, с.3-12). Современный цивилизационный слом по мнению ученого означает фактически новый виток антропогенеза.

Так или иначе, необходимо подчеркнуть, что исторически понятие устойчивого развития рождалось именно из вопросов экологии, из темы: как развиваться, не разрушая окружающей среды? Это важный подход, но он оставляет в тени другие культурно-антропологические сюжеты, связанные с внутренней структурой и ментальностью современного общества, которое и заставляет экономическое развитие становиться разрушительным. Суть вопроса, на который может и должна ответить именно философия, состоит вовсе не в том, где и как отыскать некий оптимум функционирования всех элементов общественной системы, т. е. найти «золотую середину». Этим как раз увлечено современное сциентизированное мировоззрение. Философский смысл определяется возможностью понять глубинные истоки столь болезненной заинтересованности человека в будущем, которые вышли за пределы экзистенциального ощущения и наложили печать на качество самой *социальности* сегодня, эпохальности как актуального интегрального опыта. Однако это тема большого отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутрос Бутрос Гали. Повестка дня для развития и другие документы ООН по этой теме. Нью-Йорк, 1995. С. 9-23.
2. Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Новосибирск: РАН, 1992. С. 27.
3. Красилов В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М.: Ин-т охраны природы и заповед. дела, 1992. С. 79.
4. Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека // Критический анализ идей Римского клуба: сб. статей. М.: Политиздат, 1982. С. 46-59.
5. Моисеев Н. Н. Устойчивое развитие как стратегия переходного периода // Социально-экологический журнал 1995. № 7. С. 3-12.

6. Олдак Н. Г. Введение в метасоциальный анализ. Теория экологически устойчивого развития. Новосибирск: НГУ, 1992. С. 28.

7. Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О. В. Захаровой. М.: Прогресс, 1980. С. 35.

8. Римский клуб. Декларация. Миссия // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 68-72.

9. Сейтов А. Проблемы управления в XXI веке (по материалам Римского клуба) // А. Сейтов // Общественные науки и современность. - 1992. - № 4. - С. 97.

10. Human Development Report / UNDP. Oxford, 1987. P. 39-40

О ДЕИФИКАЦИИ ДЕМОНОВ В ТАЙВАНЬСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ РЕЛИГИИ НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТА ДЕМОНОВ ЮИНГУН (ДУХОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ ВСЕ ПРОШЕНИЯ)

Гроза М.А.

*СПбГУ, Институт социальных наук
Университета Циньхуа (Тайвань)*

Рассматривая явление современной демонологии в популярных верованиях Тайваня, необходимо отметить особый вид культа демонов – поклонение так называемым духам *Исполнителям всех прошений/ Господину, исполняющему прошения (Юингун)*. Данная форма демонологии является достаточно интересным объектом для изучения, поскольку включает в себе две различные возможности интерпретации, а именно – параллели с системой родственных связей и политической структурой общества. В случае с популярными верованиями Тайваня, данная схема может быть представлена в виде трехкоординатной системы религиозного мировосприятия, в рамках которой можно говорить о ритуальном поведении «среднестатистического тайваньца, исповедующего популярные верования»¹, а именно: боги, предки, демоны. Данную точку зрения на классификацию существ «инога мира» популярной религиозности, разделяет

¹ О проблеме популярных верований в современном обществе Тайваня, см.: Wu Lien-Chin. Folk religion in a modernizing society: The case of Taiwan (A Thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Minnesota, by Lien-Chin Wu in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy, July 1984). Michigan, Minnesota: University of Minnesota. 1987, Pp. 1-55; 89-133. Michigan, Minnesota: University of Minnesota.